

ТАЛАНТ, ОКРЫЛЕННЫЙ БУРЕЙ

Шеренги
пламенных лет

В ПАМЯТИ людей, близко его знавших, Алексей Николаевич Толстой остался «неотделимым от всех радостей жизни», как выразился о нем один мемуарист.

Даже герои его трилогии, носящей такое суровое и строгое название — «Хождение по мукам», одарены автором особенной жизне-радостностью, вкусом к жизни. В самых тяжелых обстоятельствах, среди горя, нищеты и смертей их вдруг внезапно охватывает счастливое сознание молодости, таящихся в них сил, прелести родной природы и доброты живущих вокруг людей.

Приглядимся к известному портрету Алексея Толстого работы П. Кончаловского.

Кажется, и художник, отлично знавший свою «модель», сделал все, чтобы увековечить легенду об этом писателе-счастливце, баловне судьбы: массивная фигура Толстого высится за обеденным столом. Писатель поднял было старинный стаканчик с вином — да так и остался на полотне, запечатленный бдительнейшей кистью художника.

Но не «эпикурейство» — главное в этом портрете.

Кончаловский заставил нас взглянуть в тот прекрасный миг, когда в Толстом вдруг проглянула наиболее полно художник, когда какая-то тайная мысль, внезапно подступившее к сердцу чувство остановили его руку, заставили окаменеть лицо, затуманили глаза. Человек с портрета Кончаловского где-то «там», в мире своих героев.

«Настоящее слово», — грубовато и вместе с тем застенчиво объявляет один из его героев, — как баба, обнимет тебя — и обожжет, за ним босиком по угольям побежишь...»

Алексей Николаевич Толстой имел право сказать так: «Октябрьская революция как художнику мне дала все».

Как художнику, именно как художнику! Не жизненные блага, которых у способного и плодовитого беллетриста и драматурга, каким заявил себя Алексей Толстой еще в прежней, царской России, было не занимать, а подлинная полнота жизненного и художнического бытия — вот что — не сразу, а ценой ошибок, колебаний и мучительных отречений от былых идеалов — стадо уделом писателя.

А. ТОЛСТОЙ не принадлежал к числу тех особенно чутких писателей, которые, подобно Александру Блоку, задолго предугадали приближение сурового революционного вихря.

Начатый летом 1919 года, в разгар гражданской войны, роман «Сестры» поначалу вовсе не претендовал на то, чтобы заложить собою фундамент широкого эпического произведения. Дело клонилось к бытописанию

только что отшумевшей жизни милой интеллигентской семьи, этого «уютного, старого, может быть, слишком тесного, но дивного храма жизни», который «содрогнулся и затрещал от ударов войны», а затем и революции.

И тогда, и позже за подобные сюжеты принимались многие писатели, в особенности из числа оказавшихся в эмиграции, придавая своим книгам элегическое звучание, подчас вольно или невольно обеляя и приукрашивая разрушенный революцией уклад жизни, вступая в противоречие с правдой и со своими собственными прежними свидетельствами.

Однако, как верно сказал однажды А. Толстой, подлинный художник «растет вместе со своим искусством»: «Его искусство растет вместе с тем народом, который он изображает. Художник растет вместе с героями, над которыми он работает».

А за два года, пока роман писался, русский народ отбил множество опасных нападений белогвардейцев и интервентов, отстаивая свою свободу и независимость, выдвинул из своих глубин талантливых полководцев, политиков, хозяйственников, завоевал симпатии даже у многих из тех, кто сначала пришел в ужас от наступившей в стране «анархии».

Уже в разгаре работы писатель начал сознавать, «что самое главное так и осталось непонятым», что истинное место художника, желающего сказать правду о своем сложном времени, — «в самом кипении борьбы, там, где в муках рождается новый мир».

Так, растущее гражданское самосознание и собственно художнические потребности привели Алексея Толстого к расширению и углублению первоначального замысла «Сестер».

Если прежде героини «Сестер» Даша и Катя рисовались в насыщенном семейном гнездышке, среди привычных, милых развлечений, то затем, как хорошо сказал об этом Константин Федин, автор «впустил во все двери и окна бурю истории, и она забушевала во взбудораженной, трепещущей жизнью книге, завертев, как песчинки, маленькие, милые и отчаянные судьбы героев романа».

Теперь читатель новых томов трилогии — «Восемнадцатый год» и «Хмурое утро» чувствует себя так, будто шагнул за порог, навстречу грозе и ветру. Здесь сверкают орудийные зарницы и молнии буденновских клинков, здесь героев целая армия, и главный из них — сама Революция.

Многолюдье, гомон, пестрота — в пору заблудиться, если бы не такой надежный проводник, как автор. Вслед за ним вы как-то волшебством пробираетесь сквозь

толчею людей и событий, и перед вами, как на ладони, оказывается кипящее, словно на огромной площади, человеческое море, где, будто с высокой горы, видны глубины и мели, подводные течения и простор до самого горизонта.

«Время начать изучать революцию, — художнику стать историком и мыслителем, — писал Алексей Толстой в годы, предшествующие созданию второго тома трилогии. — Задача огромная, что и говорить, на ней много народа сорвется, быть может, — но другой задачи у нас и быть не может, когда перед глазами, перед лицом — громада Революции, застилающая небо».

Конечно, нарисованная А. Толстым картина не может претендовать на всю полноту изображения дореволюционной русской интеллигенции, весьма пестрой, лучшая часть которой давно примкнула к революции или, несмотря на царящую в стране политическую реакцию, плодотворно трудилась в науке и искусстве. Но реально существовал и тот ее слой, который изображен в романе с его эфемерными идеалами, увлечениями.

— Иван Ильич, мы с Дашей прибежим к вам завтра с утра смотреть революцию... — говорит в феврале 1917 года Катя Телегину, не предчувствуя, что скоро ей придется покинуть удобную жизненную «ложу» и затеряться в толпах людей, заполняющих историческую «арену», и что самое удивительное, настанет время, когда она с возмущением отвергнет мысль о возможности возвращения к былой «уютной» жизни.

Тернистым, негладким путем проходят герои трилогии, прежде чем обрести новое место в новой жизни. Вихрь гражданской войны, душевное смятение, личное горе, былые предрассудки, спутанность важнейших политических понятий — все это бросает их в разные края и во враждующие лагеря: Ивана Ильича Телегина — в Красную Армию, Вадима Петровича Рошина — в белую, Дашу — в эсеровский заговор, Катю — к махновцам.

Алексей Толстой оказался «добрее» к своим героям, чем Михаил Шолохов, не остановившийся перед тем, чтобы распрощаться с Григорием Мелеховым на последней черте поражения, испившим всю горечь своего неправого пути, скоронившим свою любовь — Аксинью. Сестры и их мужья счастливо, подчас, быть может, слишком счастливо избегают всех ударов и ловушек судьбы, оказываются под конец в одном, революционном стане и рядом друг с другом.

Но автор постарался, чтобы этот, не чуждый беллетристической условности сюжет стал средоточием и естественной «рамой» реалистического изображения трудных и

жестоких процессов, происходивших в те годы.

НЕТ, революция пусть будет представлена на революции, а не благоприличной картинкой, где впереди рабочий с красным знаменем, за ним — благостные мужички в совхозе, и на фоне — заводские трубы и встающее солнце, — говорится в одном из писем А. Толстого 1927 года. — Время такими картинкам прошло, — жизнь, молодежь, наступающее поколение требует: «В нашей стране произошло событие, величайшее в мировой истории, расскажите нам правдиво, величаво об этом героическом времени».

Иван Ильич, который по своей инженерской профессии ближе стоит к рабочему люду, уже в «Сестрах» чувствует, что ему трудно «отделить себя от... полустыивших фигур в очередях», от народной нужды и судьбы.

Постепенно и перед ним, и перед другими героями-интеллигентами все яснее, ярче, определеннее вырисовывается сложный и противоречивый облик взорванной войной и революцией России. Он складывается не только из подробно выписанных образов героев революции и врагов ее, ее колеблющихся наблюдателей и неосознанных участников, тянущих кто в ту, кто в другую сторону, но и из сотен эпизодических сценок, лиц, реплик, когда мы подчас, не видя даже лица говорящего, безошибочно угадываем его достаток и характер.

Писатель видит и показывает тягостные, выработанные прежней жизнью черты характера матроса Латугина, с одной стороны, и известную поверхностность, книжность революционных речей его постоянного оппонента, тоже моряка, Шарыгина.

«— Ты сперва эти слова разжуй да проглоти, да до ветру ими сходи, тогда и употребляй...» — зло и грубо, но по существу верно говорит последнему Латугин.

Но в том-то и дело, что, оказавшись вместе в пламени революции, различные, весьма не совершенные сами по себе характеры взаимодействуют, оттачиваются, выявляют в себе самое главное, лучшее, многообещающее.

И Шарыгин уходит из жизни со словами, которые, кажется, обращены не к товарищу по отряду, Анисье, которой он восхищается и кого оберегает от поползновений Латугина, пока не претворившихся в настоящую любовь, а к новым и новым поколениям читателей:

— Хочется мне, чтобы вы обо мне помнили... Я из Петрограда, с Васильевского острова.

Происходящее во «взвешенных душах» этих людей перекачивается с духовными переживаниями героев-интеллигентов. Послед-

ние не принимают, подобно Пьеру Безухову, к готовому источнику мудрости и благодати в виде каких-либо новых Каратаевых с красной звездочкой на папахе, а вместе с героями революции осваиваются в новой действительности, с готовностью перенимая у них многие полезные свойства, но и, в свою очередь, отдавая им свои знания.

И ни те, ни другие уже не помышляют о том, чтобы вернуться к старому.

— Кончится война — куда я пойду? — размышляет Анисья. — С мужиком жить в хате, глядеть в степь в пустую? После всего, что видела, что я слышала, — мне другое нужно...

Историческая изжитость самодержавного строя и поддерживавших его классов сквозит в трилогии во множестве сцен и деталей. Страшна жестокость недавних хозяев страны во время их редких успехов. Так, забываем сделанный буквально росчерком пера портрет отставного генерала, который, «как дирижер», помахивает рукой во время расправы над безоружным раненым красноармейцем. И полно отвращения и сарказма описание мирного времяпрепровождения «добряка» Деникина в кругу знакомого семейства, когда один из его партнеров мечтательно и рассеянно рисует на сукне карточного стола... маленькие герои виселицы.

«Ненастным хмурым утром вышли мы в бой за светлый день, а враги наши хотят темной разбойничьей ночью», — выражает Иван Ильич в речи перед полком суть происходящей в стране борьбы.

ХОЖДЕНИЕ по мукам, — трилогия, законченная автором буквально накануне Великой Отечественной войны, была одним из первых опытов эпопеи, отражающей события Октябрьской революции и гражданской войны столь широко и многопланово.

Алексей Толстой добился значительной художественной победы, реалистически запечатлев величавую и драматическую эпоху, сложные и трагические психологические коллизии, возникавшие в годы огромных классовых битв. Толстой привел в литературную историю героя, героя революций, показав его во всей сложности драматической судьбы. Писатель отдает ему огромную дань уважения и любви.

«...Те новые типы, кому еще в литературе нет имени, кто пылал на кострах революции, кто еще рукою призрака стучится в бессонное окно к художнику, — все они ждут воплощения, — писал Алексей Толстой в 1924 году. — Я хочу знать этого нового человека. Я хочу знать сегодня самого себя».

Не только страсть художника звучит в этих словах, но и народная потребность «знать сегодня самого себя», увидеть свои деяния в ясном зеркале большой эпической литературы.

Здесь и надо искать источник писательского вдохновения и той популярности, какой пользуется трилогия «Хождение по мукам» — произведение, о котором нельзя не вспомнить в канун 50-летия Великого Октября.

А. ТУРКОВ.

Колосовская фабрика, Москва, 1967, 22авт.